ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА КРУПКО

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

SPIN-код: 3940-9683

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko

МОДИФИКАЦИИ И ТОЛКОВАНИЕ КОЛЛИЗИОННЫХ ФАКТОРОВ, ОСНОВАННЫХ НА КОЛЛИЗИОННОМ ПРИНЦИПЕ *LEX LOCI PROTECTIONIS*: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹

Аннотация. В настоящей статье внимание уделено одному из аспектов коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности — особенностям формирования и применения привязки общей нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, на основе территориального подхода — коллизионного принципа *lex loci protectionis*. Сравнительно-правовой анализ отечественных и иностранных государственных и негосударственных регуляторов и судебной практики выявил существенные различия в юридической технике формирования основанных на принципе *lex loci protectionis* привязок, критериях и пределах их специализации, используемых юридических терминах и их толковании. С позиции общих целей и задач международного частного права и с учетом особенностей материальных отношений интеллектуальных прав как предмета коллизионного регулирования автор исследует преимущества и недостатки отдельных коллизионных факторов, основанных на принципе *lex loci protectionis*.

Ключевые слова: *lex loci protectionis*, коллизионные факторы, интеллектуальная собственность, международное частное право

---

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

SVETLANA I. KRUPKO

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: svetlana.krupko@gmail.com
SPIN code: 3940-9683

**MODIFICATIONS AND INTERPRETATION OF CONNECTING
FACTORS BASED ON THE LEX LOCI PROTECTIONIS
CONFLICT-OF-LAW RULE: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Abstract. In this paper attention is paid to one of the aspects of conflict of laws regulation in the field of intellectual property — the peculiarities of the formation and application of the connecting factor of the general conflict of laws rule for determining the law applicable to the intellectual property rights based on the territorial approach — the choice of law principle the *lex loci protectionis*. A comparative legal analysis of domestic and foreign state and non-state regulators and judicial practice revealed significant differences in the legal technique of forming of the connecting factors based on the *lex loci protectionis* principle, criteria and limits of their specialization, used legal terms and their interpretation. From the standpoint of the general goals and objectives of private international law and taking into account the peculiarities of the material relations of intellectual property rights as a subject of conflict of laws regulation, the author examines the advantages and disadvantages of certain conflict factors based on the principle of *lex loci protectionis*.

Keywords: *Lex loci protectionis*, connecting factors, intellectual property, private international law

Коллизионное регулирование в сфере интеллектуальной собственности — активно развивающаяся область международного частного права, находящаяся под пристальным вниманием российских и иностранных коллизионистов и специалистов в области права интеллектуальной собственности. Одной из ключевых задач в данной области является формирование коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав² с учетом направленности значимых, абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных

---

² Здесь и далее, если не сказано иное, отношения интеллектуальных прав как отдельный вид отношений в аспекте коллизионного регулирования понимаются широко, как охватывающие все относительно территориальные, абсолютные и относительные, необязательственные и обязательственные (кроме внедоговорных обязательств и договоров о распоряжении интеллектуальными правами), интеллектуальные и схожие с ними права на охраняемые результаты интеллектуальной

интересов и сбалансированной оценки коллизионных ценностей, системности и функциональных связей разных отраслей частного права, подотраслей гражданского права, коллизионного регулирования разных видов частных отношений, которое обеспечит эффективность и справедливость статута отношений интеллектуальных прав и его согласованность с коллизионным регулированием договорных обязательственных отношений по распоряжению исключительными правами и внедоговорными обязательственными отношениями, возникающими в связи с нарушением интеллектуальных прав.

Каждому аспекту коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав присущи свои проблемы. В том числе исследовательский и практический интерес представляет сфера действия статута отношений интеллектуальных прав, юридические приемы ее законодательного определения, структура коллизионного регулирования, основания и пределы специализации привязок и т.д. Однако в силу ограниченного объема далее внимание будет уделено одному из аспектов формирования привязки *общего* коллизионного правила о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, а именно сравнительно-правовому анализу коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*, их модификациям и особенностям толкования. Сравнительно-правовой анализ используемых в сфере интеллектуальной собственности коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, а также подходы к формированию специальных норм, предназначенных для разрешения частных вопросов отношений интеллектуальных прав, как, например, установление первоначального правообладателя, совместное обладание исключительным правом, а также коллизионных норм о праве, подлежащем применению к иным видам отношений в сфере интеллектуальной собственности, как, например, внедоговорные обязательственные отношения, возникающие в связи с нарушением интеллектуального права, требуют самостоятельного рассмотрения.

Итак, сравнительно-правовой анализ государственных и негосударственных регуляторов³ и судебной практики позволяет выде-

---

деятельности человека, средства индивидуализации и схожие с ними нематериальные объекты.

³ Соблюдение правовых норм государственных регуляторов, к числу которых, в частности, относятся международные договоры, правовые акты, принятые органами региональных экономических интеграционных объединений, национальное законодательство, судебные акты, обеспечивается государственным принуждением в силу самого факта их существования с момента вступления в силу. Соблюдение

лить два основных подхода к формированию привязки нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, — территориальный подход (*multiple law model*) и универсальный подход (*single law model*). Территориальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав заключается в «мозаичном», фрагментарном, по принципу *state-by-state* определении применимого права к параллельным, разнотерриториальным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект на основе коллизионного принципа *lex loci protectionis*⁴. Он получил широкое признание в международном частном праве после закрепления материальных принципов территориальности и независимости национальных интеллектуальных прав в международных договорах, прежде всего, в Бернской и Парижской конвенциях, а затем и в национальных законах об интеллектуальной собственности.

Коллизионный принцип *lex loci protectionis* закреплён во многих государственных и негосударственных регуляторах, широко поддерживается судебной практикой и доктриной и редко подвергается сомнению, несмотря на дискуссии о толковании, основаниях и пределах его применения.

В российском праве на основе территориального подхода сформулированы отдельные нормы двусторонних международных договоров РФ⁵, выработаны разъяснения Верховного Суда РФ по вопросу коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав⁶.

норм негосударственных регуляторов, разработанных международными межправительственными, неправительственными и иными организациями, экспертными группами, не обеспечивается государственным принуждением в силу самого факта существования, но может воздействовать на правоотношения прямо, в силу волеизъявления участников отношений или в силу указания в государственном регуляторе, или косвенно, вследствие применения норм права для толкования и восполнения пробелов в регулировании.

⁴ Следует отметить, что в одних регуляторах и юридической литературе для обозначения коллизионного фактора используется термин *lex protectionis* (см., например, ст. 301 Корейско-японских принципов и ст. 3:102 КЛИП-принципов), а в других — производный от него *lex loci protectionis* (см., например, пп. 26 преамбулы Регламента Рим-II, ст. 19 ИЛА-принципов).

⁵ См., например: ст. 8 Соглашения между Правительством СССР и Правительством Королевства Швеция о взаимной охране авторских прав (Москва, 15 апреля 1986 г.); ст. 9 Соглашения между СССР и Австрийской Республикой о взаимной охране авторских прав.

⁶ В п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» установлено, что содержание и ограничения исключительных прав на

Привязка проекта коллизионной нормы ст. 1207² «Право, подлежащее применению к исключительным правам на интеллектуальную собственность» в редакции недавнего проекта изменений ГК РФ⁷ также базировалась на территориальном подходе.

На основе территориального подхода сформулированы привязки норм о праве, подлежащем применению к интеллектуальным правам, в законодательствах Австрии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Испании, Италии, Казахстана, Киргизии, Китая, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Черногории, Швейцарии, Чехии, Эстонии, Южной Кореи. Территориальный подход закреплен и в ст. 108, 115 Кодекса Бустаманте, а также Модельном Гражданском кодексе стран — членов СНГ, проекте закона Сербии о международном частном праве.

Коллизионный принцип *lex protectionis* широко применяется в судебной практике ряда иностранных государств, в законодательстве которых отсутствуют специальные нормы о праве, подлежащем применению к интеллектуальным правам, в том числе в ФРГ, Великобритании, Японии, Канаде.

Общие коллизионные нормы специальных негосударственных регуляторов о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, также преимущественно основаны на территориальном подходе (см. АЛИ-принципы⁸, КЛИП-принципы⁹, Корейско-япон-

---

результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (далее — РИД), срок их действия, допустимые способы распоряжения и необходимость государственной регистрации договоров либо отчуждения, залога, перехода, ограничения или прекращения исключительного права, предоставления права использования в любом случае определяются на основании права соответствующих стран, на территории которых действует правовая охрана такого РИД (п. 2 ст. 1186, п. 1 ст. 6 и п. 2 ст. 1231 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)).

⁷ См.: Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в I чтении 27 апреля 2012 г.). URL: Электронный ресурс СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 30.11.2020).

⁸ Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.

⁹ Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society, Final Text, 1 December, 2011. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (дата обращения: 30.11.2020).

ские принципы¹⁰, Транспаренси-принципы¹¹, ИЛА-принципы¹², Модельный закон об интеллектуальной собственности, разработанный под руководством германских специалистов Х.-Ю. Аренса и Р. Макгвайер¹³).

Сравнительно-правовой анализ государственных и негосударственных регуляторов, проектов правовых актов и судебной практики свидетельствует о том, что основанные на территориальном подходе и коллизионном принципе *lex protectionis* привязки не единообразны, различаются по использованным коллизионным факторам, их модификациям и толкованию, критериям и пределам специализации. Даже один и тот же коллизионный фактор понимается различно в праве отдельных государств.

Наиболее часто используются следующие модификации коллизионных привязок:

1) право государства, в отношении которого испрашивается защита (*интеллектуальных прав*) (см., например, п. 1 ст. 24 Закона Хорватии о международном частном праве, п. 1 ст. 110 Закона Швейцарии о международном частном праве, ст. 301 (1, 2) Корейско-японских принципов, ст. 3:102 КЛИП-принципов, ст. 19 ИЛА-принципов — в отношении всех интеллектуальных прав; п. 1 ст. 71 Кодекса Болгарии о международном частном праве — в отношении авторских и смежных с ними прав; п. 1 ст. 23 Кодекса Турции о международном частном праве и международном гражданском процессе, п. 1 ст. 140 проекта закона Сербии о международном частном праве — в отношении авторских, смежных с ними и иных нерегистрируемых, не относящихся

¹⁰ Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights in: Commentary on Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights, 14 October 2010. URL: <http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

¹¹ Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: <http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

¹² Guidelines on Intellectual Property and Private International Law. Финальная версия данного документа, разработанного в рамках комитета «Интеллектуальная собственность и международное частное право» Ассоциации международного права при участии юристов из 20 стран, включая автора. Дата презентации — 9 декабря 2020 г. Подробнее см.: <https://www.ila-hq.org/index.php/committees>.

¹³ Ahrens H.-J., McGuire M.-R. Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. München, 2012. § 21–32. S. 74–112.

к промышленной собственности интеллектуальных прав; § 301 (1)(b) АЛИ-принципов — в отношении нерегистрируемых прав);

2) право государства, где / в котором испрашивается защита (*интеллектуальных прав*) (п. 1 ст. 1291 ГК Армении, п. 1 ст. 1189 ГК Киргизии, п. 1 ст. 1120 ГК Казахстана, п. 1 ст. 1230 ГК Таджикистана, абз. 1 ст. 1180 ГК Узбекистана, п. 1 ст. 1132 ГК Беларуси, п. 1 ст. 1232 Модельного ГК СНГ, ст. 48 Закона Китая о международном частном праве, ст. 1.53 Закона Литвы о международном частном праве — в отношении всех интеллектуальных прав; абз. 1 ст. 35 Закона Черногории о международном частном праве, п. 1 ст. 42 Закона Албании о международном частном праве — в отношении авторских, смежных с ними и иных нерегистрируемых, не относящихся к промышленной собственности интеллектуальных прав);

3) право государства, в котором требуется защита прав интеллектуальной собственности (п. 1 ст. 37 Закона Украины о международном частном праве — в отношении правоотношений в сфере защиты прав интеллектуальной собственности);

4) право государства, для территории которого испрашивается защита (*интеллектуальных прав*) (абз. 1 ст. 93 Кодекса Бельгии о международном частном праве, § 23 Закона Эстонии о международном частном праве — в отношении всех видов РИД и интеллектуальных прав; § 48 Закона Венгрии о международном частном праве 2017 г. — в отношении прав промышленной собственности);

5) право государства, в котором для объектов прав интеллектуальной собственности испрашивается защита (ст. 679 ГК Вьетнама);

6) право страны, на территории которой действует правовая охрана РИД (п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»);

7) право государства, которое предоставило права интеллектуальной собственности (ст. 305 Транспаренси-принципов);

8) право государства, в котором право интеллектуальной собственности существует (п. 1 ст. 46 Закона Польши о международном частном праве — в отношении возникновения, содержания и сроков действия интеллектуального права)¹⁴;

---

¹⁴ В отношении защиты интеллектуальной собственности предусмотрена специальная коллизионная норма, отсылающая к праву государства, на основании которого истребуется защита (предъявляется иск. — *Прим. автора*) (п. 3 ст. 46 Закона Польши о международном частном праве; после вступления в силу Регламента Рим-II данная норма не применяется при разрешении вопроса о праве,

9) право государства, которое признает права интеллектуальной собственности и предоставляет им правовую защиту (§ 80 Закона Чехии о международном частном праве);

10) право государства, в котором совершаются действия по использованию РИД (§ 34 (1) Закона Австрии о международном частном праве¹⁵, ст. 54 Закона Италии о международном частном праве);

11) право государства регистрации (§ 301 (1)(а) АЛИ-принципов, ст. 301 (2) Корейско-японских принципов¹⁶ — в отношении регистрируемых прав);

12) право государства, на территории которого зарегистрировано право на интеллектуальную собственность (п. 3 ст. 1607 ГК Молдовы — за исключением авторских прав);

13) право государства, в котором права промышленной собственности зарегистрированы или в котором регистрация должна быть испрашена (п. 2 ст. 140 проекта закона Сербии о международном частном праве);

14) право государства, в котором предоставлена охрана или где была подана заявка (§ 49 Закона Венгрии о международном частном праве (2017) — в отношении прав промышленной собственности);

подлежащем применению к внедоговорным обязательствам, возникающим вследствие нарушения права интеллектуальной собственности).

¹⁵ В австрийской судебной практике данная коллизийная привязка приименена в значении права государства, в отношении территории которого истец испрашивает защиту. См., например, решения Верховного суда Австрии: Oberster Gerichtshof OGH 28.06.1983 4 Ob 345/82. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 06.09.2020); Oberster Gerichtshof, Beschluss vom 9.8.2011-17 Ob 6/11y alcom-international.at // Oberster Gerichtshof: Markenrecht, Wettbewerbsrecht und Internationales Privatrecht in: GRURInt 2012, 464; OGH 13.07.1993 4 Ob 125/93, Urteil OGH 17.06.1986 4 Ob 309/86, Gerichtshof OGH 05.05.1987 4 Ob 321/87. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 06.09.2020).

¹⁶ Во вводной общей норме ст. 102 (5) Корейско-японских принципов, в которой содержатся определения терминов, предусмотрено, что под государством регистрации понимается государство, где права интеллектуальной собственности зарегистрированы или депонированы или где такие права должны быть зарегистрированы или депонированы в соответствии с международной конвенцией или национальным правом. Данное толкование последовательно отражено в коллизийной норме ст. 310 (2) Корейско-японских принципов, в которой указано, что право страны, в отношении которой испрашивается защита, применительно к регистрируемым правам презюмируется как право страны, в которой права зарегистрированы или должны быть зарегистрированы или которая должна быть государством регистрации в соответствии с международной конвенцией, в которой участвует государство, или в соответствии с национальным правом этого государства.

15) право государства, в котором права промышленной собственности были предоставлены и зарегистрированы (абз. 2 ст. 35 Закона Черногории о международном частном праве, п. 2 ст. 42 Закона Албании);

16) право государства, в котором был выдан патент или была произведена регистрация, в котором подана заявка на патент или заявка на регистрацию (п. 2 ст. 71 ГК Болгарии — в отношении прав промышленной собственности);

17) право государства, где было осуществлено депонирование или регистрация права промышленной собственности либо где было подано заявление о его депонировании или регистрации (ст. 2.633 ГК Румынии — в отношении прав промышленной собственности);

18) право конкретной страны (например, право Испании — в ст. 10 ГК Испании, право Российской Федерации — в п. 2 ст. 1231 ГК РФ).

Все исследованные коллизионные нормы являются императивными¹⁷, жесткими, безусловными¹⁸, позитивными¹⁹.

Привязки большинства исследованных норм сформулированы как двусторонние и лишь две — как односторонние.

Двусторонние нормы применимы как к отечественным, так и к иностранным интеллектуальным правам, а односторонние, что характерно для международного частного права, — только к отечественным. При этом в законодательстве стран с односторонней коллизионной нормой вопрос о праве, подлежащем применению к иностранным интеллектуальным правам, остается неурегулированным.

В 24 регуляторах содержится общая коллизионная норма, предназначенная для определения применимого права к отношениям интеллектуальных прав в целом независимо от вида РИД и правовых свойств интеллектуальных прав.

---

¹⁷ Императивность привязок характерна для коллизионных норм о праве, подлежащем применению к отношениям, которые имеют высокую публичную составляющую, затрагивают фундаментальные права и ценности, как, например, право собственности.

¹⁸ Коллизионная норма с безусловной привязкой не требует соблюдения каких-либо требований или предпосылок для применения отысканного на ее основании права. В противоположность к этому обусловленная (условная) коллизионная привязка определяет, при соблюдении каких требований и предпосылок отысканное право подлежит применению или не подлежит применению (см., например, п. ст. 1187, п. 3 ст. 1199 ГК РФ).

¹⁹ Позитивные привязки определяют подлежащее применению право, в противоположность им негативные привязки предписывают не применять отысканное на их основании право. Как правило, негативные привязки являются условными (обусловленными).

В законодательстве шести государств (Болгарии, Черногории, Албании, Молдовы, Венгрии, Румынии), а также в проекте закона Сербии и двух негосударственных регуляторах (АЛИ-принципах, Корейско-японских принципах) привязки специализированы либо по критерию основания возникновения интеллектуального права (АЛИ-принципы, Корейско-японские принципы), либо по виду РИД (Болгария, Венгрия, Молдова, Румыния), либо по двум названным критериям кумулятивно (Албания, Сербия (проект), Черногория). При этом в трех случаях (законодательство Венгрии, Молдовы и Румынии) привязки специализированы на основе смешанного подхода — одна специальная привязка, предназначенная для регистрируемых прав (Молдова), прав промышленной собственности (Венгрия, Румыния), сформулирована на основе территориального подхода, а другая, предназначенная для авторских и смежных с ними и иных нерегистрируемых прав и не относящихся к правам промышленной собственности, — на основе универсального подхода. В остальных шести случаях обе специальные коллизионные привязки, предназначенные для регистрируемых и нерегистрируемых интеллектуальных прав, прав промышленной собственности и авторских и смежных с ними прав, сформулированы на основе территориального подхода, но с использованием разных коллизионных факторов.

Привязки большинства исследованных норм сформулированы как простые, однозначные, основанные на одном коллизионном факторе.

Привязки отдельных норм являются многозначными, сложными, требуют локализации двух материальных факторов на территории государства, право которого подлежит применению (признание права интеллектуальной собственности государством и предоставление ему (праву) правовой защиты (см. выше п. 9); предоставление права промышленной собственности и регистрация права промышленной собственности (см. выше п. 15)). Однако кумулятивными данные привязки не являются, так как отсылают к праву только одного государства, а не предусматривают одновременное применение права нескольких государств к отношениям интеллектуальных прав.

Привязки, указанные выше в п. 13, 14, 16, 17, на первый взгляд сформулированы как многозначные альтернативные, однако таковыми не являются, так как не допускают определение применимого права на основании разных, альтернативных привязок по выбору суда или субъекта отношений, а лишь отражают специфику юридико-технических действий в отношении отдельных видов РИД, для одних из которых требуется регистрация, а для других — депонирование, а также

специфику предоставления правовой охраны отдельным видам РИД (ретроактивность) и особенности возникновения отношений интеллектуальных прав (до момента регистрации и депонирования). При определении применимого права на основании названных привязок задействован будет лишь один коллизионный фактор, соответствующий виду юридико-технического действия, с которым связано возникновение правовой охраны и интеллектуального права на тот или иной вид РИД.

Все привязки являются объектными, коллизионный фактор отражает характеристики, свойства объекта — РИД, интеллектуального права²⁰. Однако тесная связь отношений интеллектуальных прав с подлежащим применению правом выражена разными коллизионными факторами, одни из которых, как, например, место предоставления РИД правовой охраны, место действия правовой охраны РИД, место использования РИД, место защиты РИД, место признания интеллектуальных прав, место существования интеллектуального права, место действия интеллектуального права, место использования интеллектуального права, место защиты интеллектуальных прав, применяются универсально независимо от вида РИД и основания возникновения интеллектуальных прав, а другие, как, например, место подачи заявки, место регистрации РИД, место регистрации интеллектуальных прав, место депонирования РИД, место депонирования интеллектуальных прав, носят специальный характер и применяются к отношениям интеллектуальных прав на регистрируемые РИД и объекты промышленной собственности.

Привязки, указанные в п. 1–6, 11–13, 16, 17, 18, являются фактическими, для установления содержания коллизионного фактора в конкретном случае не требуется разрешения предварительного материального и коллизионного вопросов. В противоположность им привязки, названные в п. 7–10 (отсылающие к праву страны, предоставившей правовую охрану РИД, где действует правовая охрана РИД, где предоставляется, существует, действует или используется интеллектуальное право, используется РИД, совершаются действия по его использованию), требуют правовой оценки обстоятельств. Привязки, указанные в п. 14 и 15, являются смешанными, так как один коллизионный фактор является фактическим, а другой требует правовой оценки обстоятельств.

---

²⁰ В противоположность к объектным привязкам коллизионные факторы субъектных привязок отражают свойства и характеристики субъектов правоотношений (например, место жительства гражданина, место нахождения административного органа управления юридического лица и т.д.).

Недостатками привязок, требующих предварительной правовой оценки обстоятельств, является то, что для их применения необходимо установить содержание коллизионного фактора в конкретном случае, предварительно разрешив материальный вопрос. Однако материально-правовой вопрос может быть разрешен на основании применимого права, которое еще не установлено. Такие привязки усложняют разрешение коллизионного вопроса, снижают предвидимость применимого права, правовую определенность, не способствуют внутренней и внешней гармонии решений.

Все привязки сформулированы как объективные²¹. Однако в ряде стран, например, в австрийской, швейцарской и германской доктрине и судебной практике, отрицается абстрактное толкование привязки *lex loci protectionis* и при определении применимого права учитывается, в отношении какой страны истец испрашивает защиту интеллектуальных прав²². Несмотря на то что конкретное содержание привязки, отсылающей к праву страны, в отношении которой испрашивается защита, в каждом случае определяется с учетом воли истца, данная привязка сохраняет объективный характер. Й. Дрексль поясняет:

²¹ Под объективной понимается привязка, значение которой не зависит от воли сторон(ы) локализуемых частноправовых отношений. В противоположность объективной привязке привязка, значение которой зависит от воли стороны локализуемого частноправового отношения, характеризуется в международном частном праве как субъективная.

²² Подробнее см.: Jeger G., Vasella D. in: Basler Kommentar Internationales Privatrecht. Hrsg. Honsell H., Vogt N., Schnyder A., Berti S. 3. Auflage. Basel, 2013. S. 930; Vischer F. in: Kommentar zum Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18. Dezember 1987 Hrsg. und kommentiert von Daniel Girsberger ... [et al.]. Zürich, 2004. S. 1152; Beckstein F. Einschränkungen des Schutzlandprinzips. Tübingen, 2010. S. 81–84; Lundstedt, Lydia [Edit.]: Territoriality in intellectual property law. Stockholm: Department of Law, Stockholm University, 2016. P. 585 // URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:972658/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 30.11.2020). P. 299–300. См. также следующие судебные акты: Швейцария: Urteil vom 7. April 2014, Geschäfts-Nr.: HG110271-O, Handelsgericht des Kantons Zürich // http://www.gerichte-zh.ch/fileadmin/user_upload/entscheide/oeffentlich/HG110271-O10.pdf (дата обращения: 30.10.2020); ФПГ: BGH, 02.10.1997, I ZR88/95. “Spielbankaffaire” // Электронный ресурс: JurionRS1997, 13863. URL: https://www.jurion.de/Urteile/BGH/1997-10-02/I-ZR-88_95?q=%20Spielbankaffaire&suggest=1 (дата обращения: 30.11.2020); Австрия: Österreichischen Obersten Gerichtshofs 09.08.2011 17Ob 6/11y. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_20110809_OGH0002_0170OB00006_11Y0000_000 (дата обращения: 30.11.2020); Österreichischen Obersten Gerichtshofs 20.09.2011 4 Ob 12/11k. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_20110920_OGH0002_0040OB00012_11K0000_000 (дата обращения: 30.11.2020).

«Под правом страны защиты (*lex loci protectionis*) следует понимать право той страны, в отношении территории которой лицо хочет использовать каким-либо способом нематериальный объект и защищать его от посягательств третьих лиц»²³.

Воля истца, а именно направленность искового требования на защиту конкретного(ых) субъективного(ых) интеллектуального(ых) права, особенно важна при определении права страны, в отношении которой испрашивается защита, в случае, когда спор связан с трансграничным использованием РИД. Так как на один и тот же идеальный объект могут существовать разнотерриториальные, параллельные интеллектуальные права, для разрешения коллизионного вопроса суду необходимо установить, в отношении территории какого государства истец заявляет свои требования. В противном случае может повториться ситуация, которая имела место при разрешении спора по делу Direct Satellite Broadcast III²⁴. На территории Австрии имела место трансляция телепередачи. Исключительные права на телепередачу на территории ФРГ принадлежали истцу, а на территории Австрии — ответчику. Истец полагал, что ответчик нарушил охраняемые на территории ФРГ исключительные права на телепередачу посредством ее трансляции с территории ФРГ на территорию Австрии без разрешения истца. В обосновании иска истец указал на факт неправомерного использования охраняемой на территории ФРГ телепередачи и нарушение германских исключительных прав. Австрийский суд, разрешая коллизионный вопрос, определил страну, в отношении которой испрашивается защита, исходя из абстрактного толкования *lex loci protectionis*, как право Австрии, установил, что охраняемое на территории Австрии исключительное право принадлежит ответчику, который как правообладатель был вправе использовать телепередачу на территории Австрии, и отказал в удовлетворении исковых требований. Таким образом, суд фактически разрешил спор о нарушении австрийского исключительного права на телепередачу, хотя спорные действия по использованию телепередачи затрагивали германское исключительное право на ту же телепередачу²⁵. Анализ судебной прак-

²³ Drexel J. Internationales Immaterialgüterrecht // Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. München, 2010. Rn.10.

²⁴ Oberster Gerichtshof 16.06.1992 Case No. 4 Ob 44/92 Direct Satellite Broadcast III. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁵ См.: Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография / Ин-т государства и права РАН. М., 2018. С. 191–195.

тики показывает, что в спорах, связанных с трансграничным использованием РИД, истцы редко прямо указывают, в отношении какой страны они испрашивают защиту, а суды, как правило, презюмируют, что защита испрашивается только в отношении страны суда. Чтобы избежать негативных последствий абстрактного толкования привязки *lex loci protectionis*, как в вышеприведенном случае, представляется важным, чтобы в спорах, которые потенциально могут затрагивать разнотерриториальные интеллектуальные права на один и тот же идеальный объект, истец указывал, в отношении каких конкретных субъективных интеллектуальных прав на охраняемый в каких государствах РИД он испрашивает защиту²⁶, а суд при разрешении коллизионного вопроса на основании *lex loci protectionis* учитывал волю истца. Определение права страны, в отношении которой испрашивается защита, с учетом воли истца не вызывает каких-либо правовых сложностей, так как не связано с доказыванием и установлением каких-либо юридических фактов, предварительным разрешением вопросов права и правовой оценкой обстоятельств.

Ретроспективный анализ судебной практики и доктрины показал, что привязка «право страны, где / в которой испрашивается защита» характерна для более ранних регуляторов, принятых до 2000 г., в период, когда коллизионное регулирование в сфере интеллектуальной собственности не было столь актуально из-за невысокой доли осложненных иностранным элементом отношений интеллектуальных прав и вытекающих из них споров. В отсутствие широкого применения повсеместных и трансграничных средств электронной коммуникации такое толкование не создавало практических проблем в системном масштабе. Юридически значимые материальные факторы, отражающие содержание отношений интеллектуальных прав, а также отношения по созданию и использованию РИД и реализации интеллектуальных прав были максимально сконцентрированы в государстве, на основании права которого субъективные интеллектуальные права возникали, а споры в сфере интеллектуальной собственности нередко относились к исключительной компетенции судов этого государства. При таких обстоятельствах право страны, где / в которой испрашива-

---

²⁶ Так, в решении по делу Adolf Loos — Werke II австрийский суд указал, что истец должен ясно выразить, что он испрашивает защиту интеллектуальных прав на объект авторского права не только в отношении страны суда, но и в отношении иных стран. См.: Oberster Gerichtshof 28.09.1993 4 Ob 125/93 “Adolf Loos — Werke II” // GRUR Int 1994, 638—640. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 26.09.2020).

лась защита, совпадало и с *lex loci protectionis*, и с *lex fori*. Однако в современных условиях спор, возникший из отношений интеллектуальных прав, нередко рассматривается в суде иного государства, чем то, на территории которого РИД охраняем субъективным интеллектуальным правом, в отношении которого возник спор. При таких обстоятельствах применение коллизионной привязки «право страны, где / в которой испрашивается защита» в значении права страны, *где подан иск* о защите интеллектуальных прав (где рассматривается спор), создает риск применения судом права суда (*lex fori*), т.е. материальных норм своего, территориально ограниченного права интеллектуальной собственности, не имеющего никакой материально-правовой связи с отношениями интеллектуальных прав, по поводу которых возник спор²⁷.

Следует отметить, что в современном праве наиболее распространена модификация привязки *lex protectionis* в значении права страны, в отношении которой испрашивается защита интеллектуальных прав.

Привязка к праву страны, где имеет место предоставление или признание интеллектуальных прав, также не безупречна. Отсылка к государству, предоставляющему интеллектуальные права, может быть оправдана в отношении интеллектуальных прав на регистрируемые (депонируемые) РИД только тем, что обязательной предпосылкой возникновения исключительного права на регистрируемый (депонируемый) РИД является совершение органом власти (государственным, наднациональным, международным) юридико-технического действия по регистрации (депонированию). Однако в современном мире правовая охрана РИД возникает в силу закона в любом случае, если соблюдены нормативные требования и имеются необходимые предпосылки, предусмотренные нормами позитивного права. Ее предоставление не зависит от решения суверена в каждом конкрет-

---

²⁷ Подробнее о необходимости разграничения *lex loci protectionis* и *lex fori* см.: Basedow J. Foundations of Private International Law in Intellectual Property // Intellectual Property in the Global Arena: Jurisdiction, Applicable Law, and the Recognition of Judgements in Europe, Japan and the USA / Ed. J. Basedow, T. Kono and A. Metzger. Tübingen, 2010. P. 13; Drexler J. Op. cit. Rn. 11; Pertegas M. Intellectual Property and Choice of Law Rules // Malatesta Alberto: The unification of choice of law rules on torts and other non-contractual obligations in Europe. Padova, 2006. P. 234. См. также решение австрийского суда: Oberster Gerichtshof 28.09.1993 4 Ob 125/93 “Adolf Loos — Werke II” // GRUR Int 1994, 638. См. также: Луткова О.В. Трансграничные авторские отношения неисключительного характера: материально-правовое и коллизионно-правовое регулирование: монография. М., 2017. С. 29.

ном случае²⁸. В отношении интеллектуальных прав на нерегистрируемые РИД обосновать применение термина «предоставление» затруднительно²⁹. Вышеизложенная критика применима к отсылке к праву государства, которое признает интеллектуальные права, если термин «признание» рассматривать как синоним термина «предоставление». Наряду с этим признание как действие возможно в отношении чего-либо существующего. Однако национальные субъективные интеллектуальные права, как показано выше, возникают в силу закона, а признание иностранных субъективных интеллектуальных прав исключено ввиду закрепленных в законах и международных договорах принципов материальной территориальности и независимости интеллектуальных прав. Кроме того, при существовании параллельных, разнотерриториальных интеллектуальных прав на один и тот же идеальный объект не ясно, на основании какого правила следует отдать предпочтение праву одной из множества стран, где конкретному РИД «предоставлена» правовая охрана или где субъективные интеллектуальные права на такой РИД «признаны» государством. Применительно к наднациональным (трансграничным) интеллектуальным правам привязка к праву страны, где РИД предоставлена правовая охрана или где на него признано субъективное интеллектуальное право, неисполнима, так как наднациональное интеллектуальное право действует на территории нескольких стран. Более того, обстоятельство, выражающее коллизионный фактор, может не существовать, например, в случае оспаривания юридической силы интеллектуального права и признания его не существующим, утратившим юридическую силу или до момента регистрации, депонирования РИД. Очевидно, что применение коллизионной нормы, отсылающей к месту предоставления правовой охраны или месту признания интеллектуальных прав, в конечном результате приведет к применению к отношениям интеллектуальных прав права страны, в отношении которой испрашивается защита.

Наиболее сложной для толкования и применения является привязка к праву страны, где используется РИД. Ее применение требует предварительного разрешения нескольких материальных вопросов

---

²⁸ Подробнее см.: *Крупко С.* Коллизионно-правовые аспекты регулирования интеллектуальной собственности // *Хозяйство и право.* 2014. № 11 (Приложение). С. 10–14.

²⁹ На данный аспект обращают внимание авторы комментария к Корейско-японским принципам. Подробнее см. сноску 24 к п. 2 ст. 301 Корейско-японских принципов.

и правовой оценки ряда обстоятельств, а именно: 1) существует ли субъективное интеллектуальное право и каково его содержание; 2) что понимается под использованием РИД тем или иным способом; 3) имел ли место факт использования РИД, охраняемого конкретным субъективным интеллектуальным правом, на территории страны, в отношении которой испрашивается защита? Названные материальные вопросы могут быть разрешены на основании применимого права, которое еще не установлено. Кроме того, когда фактические действия по использованию РИД частично или полностью совершаются за пределами страны, в отношении которой испрашивается защита, толкование термина «место использования РИД» в целях коллизионного регулирования неоднозначно: следует ли его понимать как место совершения фактических действий по использованию РИД или место совершения действий по использованию РИД, охраняемого конкретным субъективным интеллектуальным правом, в значении юридического факта? Подлежит ли применению право страны, на территории которой совершены фактические действия по использованию РИД, если спор связан с интеллектуальными правами на РИД, охраняемый на территории другого государства?³⁰ Локализовать действия по использованию РИД в месте нахождения РИД невозможно из-за отсутствия такового, а локализация фактических действий по использованию РИД и юридического факта использования РИД, охраняемого конкретным субъективным правом, может не совпадать. При таких обстоятельствах суду для установления или опровержения факта использования РИД, охраняемого конкретным субъективным интеллектуальным правом, еще на стадии определения применимого права необходимо будет разрешить довольно сложные материальные вопросы, в том числе исследовать реальное экономическое воздействие от «монопольного» использования РИД, охраняемого конкретным субъективным исключительным правом, на определенный национальный рынок и целенаправленность фактических действий по использованию РИД на определенный национальный рынок³¹. Учитывая, что оценка названных обстоятельств зависит не только от установления юридических фактов, но и от судебского усмотрения, использование

---

³⁰ Подробнее о разграничении фактических и юридических действий по использованию РИД в аспекте коллизионного регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности см.: *Крупко С.И.* Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. С. 178–185.

³¹ Подробнее см.: там же.

коллизионного фактора «место использования РИД» снижает правовую определенность и неоправданно усложняет разрешение коллизионного вопроса. В конечном итоге определение применимого права на основании данной привязки приводит, как правило, к применению права страны, в отношении которой испрашивается защита.

Отсылка к праву страны регистрации, депонирования, подачи заявки не создает какой-либо специфики в коллизионном аспекте, так как в конечном итоге приводит к применению права страны, в отношении которой испрашивается защита³². Каких-либо преимуществ, как, например, простота применения, более ясное толкование, более высокая правовая определенность, предсказуемость и т.д., данная привязка не обеспечивает. Напротив, при определенных обстоятельствах ее применение снижает предсказуемость разрешения коллизионного вопроса и правовую стабильность. Так, если регистрация или депонирование РИД происходят по международной системе, когда заявка фактически подается в ином государстве, чем то, в отношении которого испрашивается защита, буквальное толкование данной привязки создает потенциальную возможность применения права страны, которое лишь формально связано с отношениями интеллектуальных прав, а не права страны, где ожидался юридический эффект совершения юридико-технических действий, выражающийся в возникновении правовой охраны РИД и субъективных интеллектуальных прав на него. Кроме того, до момента подачи заявки, регистрации и депонирования РИД обстоятельство, выражающее коллизионный фактор, не существует, и суду придется устанавливать гипотетическое место совершения названных действий. Как правило, суд обращается к праву страны, на территории которой интеллектуальное право должно получить юридический эффект. Применение права страны регистрации к отношениям интеллектуальных прав, имеющих трансграничную сферу действия, также вызывает ряд вопросов: следует ли понимать место регистрации формально, как территорию государства, где должно быть осуществлено юридико-техническое действие по депонированию или регистрации, т.е. по месту нахождения регистрирующего органа, или суду предстоит руководствоваться неформальным подходом и, основываясь на принципе наиболее тесной связи, выявить, право какого из государств, на тер-

---

³² В юридической литературе, посвященной вопросам коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, привязка коллизионных норм о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, выраженной коллизионным фактором «право страны регистрации», рассматривается как разновидность привязки *lex loci protectionis*.

ритории которого трансграничное субъективное право имеет юридический эффект, подлежит применению, либо подлежит применению право нескольких или всех государств, затронутых наднациональным (трансграничным) интеллектуальным правом?

Также следует отметить, что регистрируемость объекта гражданского права не является достаточным обоснованием отсылки к праву страны регистрации. Например, в отношении вещных прав на регистрируемые объекты недвижимости данная привязка не используется, применяется общий для отношений вещных прав принцип *lex rei sitae* (см., например, ст. 1205 ГК РФ). Специальное правило, отсылающее к праву страны регистрации, применяется только к вещным правам на отдельные виды регистрируемых вещей, которые в силу своего назначения, как правило, находятся в движении и их место нахождения постоянно меняется, что существенно осложняет применение общей привязки *lex rei sitae* (как, например, в ст. 1207 ГК РФ в отношении судов и космических объектов). Аналогичный подход к применению отсылки к праву страны регистрации закреплён в иностранном праве. В сравнительном аспекте регистрируемые РИД (интеллектуальные права) схожи с регистрируемыми объектами недвижимости: РИД как объект гражданского права существует только в пределах территории страны, на территории которой охраняем конкретным субъективным интеллектуальным правом. Связь отношений интеллектуальных прав на все виды РИД с правом государства, в пределах территории которого РИД охраняем конкретным субъективным интеллектуальным правом, стабильна, устойчива. Вследствие изложенного к отношениям интеллектуальных прав на регистрируемые РИД вполне применимы подходы, используемые в отношении интеллектуальных прав на нерегистрируемые РИД.

В заключение следует отметить, что в целях выработки оптимального подхода к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав в аспекте развития российского международного частного права исследование универсального подхода к формированию коллизионных привязок не менее важно, чем представленный в настоящей статье анализ коллизионных факторов, основанных на принципе *lex loci protectionis*. Результаты сравнительно-правового анализа коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе и используемых в сфере интеллектуальной собственности, их модификации и особенности толкования будут представлены в отдельной статье.

Что касается коллизионных привязок, основанных на территориальном подходе, то из всех исследованных вариантов наибольши-

ми преимуществами, на взгляд автора, обладает привязка, отсылающая к праву страны, в отношении которой испрашивается защита. Она проста для применения, не требует разрешения предварительных материальных и коллизионных вопросов, значение коллизионного фактора в конкретном случае устойчиво в сигнификативном, темпоральном, квантитативном и волюнтативном аспектах, легко устанавливаемо на всех стадиях существования правоотношений интеллектуальных прав, в том числе до подачи заявки, до момента регистрации и депонирования РИД, до момента обнародования РИД, не зависит от места совершения действий по использованию РИД, вида РИД, характера и правовых свойств интеллектуального права, его пространственной сферы действия. Данные свойства коллизионного фактора важны для коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав, которые имеют высокую публичную составляющую, преимущественно статичны, затрагивают интересы неограниченного круга лиц, чувствительны для отдельных элементов публичного порядка, так как способствуют справедливому результату, правовой предвидимости, внутренней и внешней гармонии решений и препятствуют обходу закона и выбору суда того государства, разрешение спора в котором способствует достижению наиболее благоприятного результата (*forum shopping*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве / Ин-т государства и права РАН. М.: Статут, 2018.

Крупко С. Коллизионно-правовые аспекты регулирования интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2014. № 11 (Приложение).

Луткова О.В. Трансграничные авторские отношения неисключительного характера: материально-правовое и коллизионно-правовое регулирование. М.: Проект, 2017.

Ahrens H.-J., McGuire M.-R. Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. München: Sellier European Law Publishers GmbH., 2012.

Basedow J. Foundations of Private International Law in Intellectual Property in: Intellectual Property in the Global Arena: Jurisdiction, Applicable Law, and the Recognition of Judgements in Europe, Japan and the USA / Ed. J. Basedow, T. Kono and A. Metzger. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010.

Basler Kommentar Internationales Privatrecht. Hrsg. Honsell H., Vogt N., Schnyder A., Berti S. 3. Auflage. Basel: Helbing Lichtenhahn, 2013.

Beckstein F. Einschränkungen des Schutzlandprinzips. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010.

Drexl J. Internationales Immaterialgüterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. München: Beck. 5. Auflage, 2010.

Guidelines on Intellectual Property and Private International Law, International Law Association // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn.: American Law Inst. Publ., 2008.

Kommentar zum Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18. Dezember 1987 Hrsg. und kommentiert von Daniel Girsberger ... [et al.]. Zürich: Schulthess, 2004.

Lundstedt L. [Edit.]. Territoriality in intellectual property law. Stockholm: Department of Law, Stockholm University, 2016. P. 585. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:972658/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

Pertegas M. Intellectual Property and Choice of Law Rules // Malatesta Alberto: The unification of choice of law rules on torts and other non-contractual obligations in Europe. Padova: CEDAM, 2006.

Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society, Final Text, 1 December, 2011. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (дата обращения: 30.11.2020).

Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights in: Commentary on Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights, 14 October 2010. URL: <http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf> (дата обращения: 15.08.2015).

Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: <http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

REFERENCES

Krupko, S.I. (2018) *Deliktные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве* [Tort obligations in the field of intellectual property in private international law] / In: *Государство и право*. Ros. acad. Nauk [Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Statut. (in Russ.)

Krupko, S. (2014) *Kollisionno-pravovye aspekty regulirovaniya intellektualnoy sobstvennosti* [Conflict of laws aspects of intellectual property regulation], *Hozaystvo i pravo* [Economy and law], 11 (Prilozhenie). (in Russ.)

Lutkova, O.V. (2017) *Transgranichnye avtorskie otnosheniya neiskluchitel'nogo kharaktera: materialno-pravovoye i kollisionno-pravovoye regulirovaniye: monografiya* [Cross-border copyright relations of a non-exclusive nature: substantive and conflict-of-laws regulation]. Moscow: Prospekt. (in Russ.)

Ahrens, H.-J., McGuire, M.-R. (2012) *Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung*. München: Sellier European Law Publishers GmbH. (in Germ.)

Basedow, J. (2010) Foundations of Private International Law in Intellectual Property in: *Intellectual Property in the Global Arena: Jurisdiction, Applicable Law, and the Recognition*

tion of Judgements in Europe, Japan and the USA. Edited Juergen Basedow, Toshiyuki Kono and Axel Metzger. Tübingen: Mohr Siebeck. (in Eng.)

Basler Kommentar Internationales Privatrecht. Hrsg. (2013) Honsell H., Vogt N., Schnyder A., Berti S. 3. Auflage. Basel: Helbing Lichtenhahn. (in Germ.)

Beckstein, F. (2010) *Einschränkungen des Schutzlandprinzips*. Tübingen: Mohr Siebeck. (in Germ.)

Drexler, J. (2010) Internationales Immaterialgüterrecht in: *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch*. München: Beck. 5. Auflage. (in Germ.)

Guidelines on Intellectual Property and Private International Law, International Law Association (2008) American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn.: American Law Inst. Publ. (in Eng.)

Kommentar zum Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18. Dezember 1987 Hrsg. und kommentiert von Daniel Girsberger ... [et al.] (2004). Zürich: Schulthess. (in Germ.)

Lundstedt, L. [Edit.] (2016) *Territoriality in intellectual property law*. Stockholm: Department of Law, Stockholm University. P. 585. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:972658/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 30.11.2020) (in Eng.)

Pertegas, M. (2006) Intellectual Property and Choice of Law Rules in: *Malatesta Alberto: The unification of choice of law rules on torts and other non-contractual obligations in Europe*. Padova: CEDAM. (in Eng.)

Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society (2011) Final Text, 1 December. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (accessed: 30.11.2020) (in Eng.)

Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights (2010) in: *Commentary on Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights*, 14 October. URL: <http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf> (accessed: 15.08.2015) (in Eng.)

Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: <http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf> (accessed: 30.11.2020) (in Eng.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Крупко Светлана Игоревна — старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Svetlana I. Krupko — Senior Research Fellow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Крупко С.И. Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе *lex loci protectionis*: сравнительно-правовой анализ // Труды

ды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko

FOR CITATION:

Krupko, S. (2020) Modifications and interpretation of connecting factors based on the *lex loci protectionis* conflict-of-law rule: comparative legal analysis. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 15 (5), pp. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko